

Елена Хисматулина

*Неяркое солнце
в лёгком
миноре*

Елена Хисматулина

Неяркое солнце в лёгком миноре

«Издательские решения»

Хисматулина Е.

Неяркое солнце в лёгком миноре / Е. Хисматулина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833168-8

Книга «Неяркое солнце в лёгком миноре» — сборник повестей, написанных в жанре современной прозы. Главный герой произведений автора — время, знакомое читателям, прожившим девяностые, встретившим кризисы двухтысячных и продолжающим жить сегодня. Читатель, следуя за повествованием, вдруг осознает, что не отделяет себя от происходящего, что знает и понимает написанное так, будто события происходили с ним самим. Это время проглядывает где-то на втором плане. Наше непростое время в лёгком миноре.

ISBN 978-5-44-833168-8

© Хисматулина Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Плохой-хороший	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Неяркое солнце в лёгком миноре

Елена Хисматулина

Все персонажи являются вымышленными. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

© Елена Хисматулина, 2016

ISBN 978-5-4483-3168-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Из всех литературных жанров больше всего люблю рассказы. Короткие, емкие, в которых трех-пяти страниц достаточно, чтобы изложить всю историю. Они рождаются без ненужных подробностей, не отвлекают от сути, не требуют уточнений, удерживают внимание читателя на первом плане, не пускают дальше, вглубь. А зачем? Если вы хотите возражать, дискутировать, предлагать иное суждение – расскажите свою историю, только и всего.

Любовь моя осознанная, прочувствованная. Рассказы проклевываются в голове легко, сами собой и всякий раз, как только возникает действие общения людей друг с другом. То на обеденном перерыве говоришься о семье, детях, вчерашних телевизионных новостях, а в результате маленький рассказик уже поднимает над головой ушки. То с подругами в кафе закатаешься, нахохочешься до слез, просто так, от счастья «обладания» друг другом, а из этого «ничего» рассказ сам собою ложится на бумагу. В «Одноклассниках» вечерок повисишь, знакомых выудишь из дальней-долгой своей судьбы, а у них, оказывается, за это время целая жизнь состоялась. Ты о ней не ведал ничего и теперь, спустя двадцать пять лет, будто увлекательный рассказ читаешь – взахлеб. Вот такие они, мои незамысловатые рассказы.

Но иногда, крайне редко, истории начинают протестовать против малых форм. Им тесно, неуютно, и литературный слог (откуда бы ему взяться?) вдруг требует должного к себе отношения. Во всяком случае, надеется быть выслушанным. Тогда рассказ расплывается в повесть или даже пьесу, декорации которой я представляю себе весьма живо. Если такое «дитя» появляется в твоей литературной копилке, не любить его уже не получается. Ну гадкий утенок, ну крупнее своих пушистых собратьев, а вдруг переродится в лебедя? Эта смутная, потаенная надежда – единственное оправдание многочасовым трудам, положенным на написание, творческие муки, поиски и разочарования.

Неяркое солнце в легком миноре. Пастельные тона. Отсутствие мексиканских страстей, любви до отрицания себя, трагедии до крови из томатного сока. Отсутствие протеста против власти и вообще протеста в привычном понимании слова. А лишь понятное каждому ежедневное, рутинное преодоление себя, которое заставляет утром подниматься на работу, а вечером разбирать уроки младшей дочери в дуэте с помешиванием булькающего в кастрюле супа. Ничего героического! Ничего героического? Ничего героического... , но это и есть жизнь.

Плохой-хороший

Мне ровно сорок и ни одним днем меньше. Женское кокетство? Вряд ли сорокалетие можно принять за кокетство, хотя выглядеть при этом не обязательно на сорок. Мне сорок потому, что я ощущаю это каждой клеточкой своей памяти. И память моя жива, отзывчива, полна красок и нового мироощущения. Мне сорок, а потому хочется начать растрачивать воспоминания, выкладывая их на белый лист. Я наконец получила это право и хочу быть мотовкой, кутилой, транжирой. Я просто хочу рассказать о том, что было и есть, о том, что пока помню, но боюсь когда-то забыть, о том, без чего я была бы не я...

* * *

Девяносто первый год. То есть, конечно, одна тысяча девятьсот девяносто первый. Мне двадцать два. Свежо полученное в начале лета высшее образование, я совершенно не замутнена опытом и готова предложить себя миру: «Берите, я полна сил, возможностей и надежд!» Но это мало кому требуется. России некогда, она не успевает разбираться со своим наследием, разбросанным по бескрайним просторам. Я оказалась без зоркого «родительского» глаза. Нет, родители-то за мной следят и очень ответственно. Я образно выражаюсь. Стране пока не до меня. Я начала учиться в вузе, когда ей все было понятно. И даже где-то в больших перспективных планах мне отведена была маленькая клеточка. На меня был заказ, как на многих других молодых специалистов нашего профиля. Но прошло пять лет. Мне дали диплом и с ободряющей улыбкой подтолкнули на путь великих свершений. Я была доверчива и горда возложенными на меня надеждами, но как только покинула стены вуза, двери за моей спиной плотно закрылись.

В какое бы время вы ни жили, какие бы цели ни вели вас вперед, какие бы правильные книжки вы ни читали, последуйте моему совету – никогда не говорите своим детям, что человек рожден для созидания. Даже если вы по-прежнему так наивно полагаете. Я вышла в жизнь именно с такой дурацкой установкой и оказалась перед выбором – рынок или ларек. В тот год ничего другого, более перспективного и прибыльного, судьба не предлагала. Нет, если уж говорить совсем честно, то был вариант еще НИИ с укороченным и неоплачиваемым рабочим днем. Но созидания там не было вовсе, поэтому, узнав о вакансии секретаря в коммерческой фирме, я решила не обременять больше Страну своими проблемами.

Войти в курс дела оказалось несложно. Меня окружали такие же пришлые люди, поэтому быть некомпетентным в принципе не удавалось. Просто в тот период было утрачено само понятие компетентности. Я успокоилась, освоилась и, прочитав две скромные брошюры по документоведению, сочла себя вполне соответствующей должности. А получение в персональное пользование компьютера расценила как знак свыше.

Не надо думать, что я дурачусь. Все так и было. Вступив на путь преобразований одной из первых, проработав полгода, я стала весьма успешным человеком в глазах сверстников. А зарабатывая приличные деньги, обеспечивая тем самым родителей и бабушку, приобрела законное право голоса. Детские мозги, правда, не позволили распорядиться им с умом, поэтому выхлопотала я себе самую бесполезную, как сейчас понимаю, привилегию – курить, не прячась от родителей. Иногда. Сейчас, вспоминая историю своего взросления, я всегда улыбаюсь. Как серьезен был семейный совет, как настойчива и энергична я, как рассудителен отец, который в итоге постановил: «Если это неизбежно в новой жизни, если тебе это необходимо для уверенности в себе, кури, но с умом»...

* * *

Какие необыкновенные времена, какие головокружительные карьеры, какие непредсказуемые последствия и какой густой осадок трагедий! Революция семнадцатого года была колыбелью образца «человека советского». «Дитя» не выдержало возложенного на него бремени ответственности, идеологической зашоренности и несправедливости. К концу столетия ему непреодолимо захотелось потрепать, владеть и влиять. И все покатило по наклонной плоскости. Перемешались принципы и понятия, сместились акценты, перевернулось сознание. Мы все надолго потеряли ориентиры, утратили духовность, забыли заповеди. Хорошее ошельмовали и признали негодным. Что считали позорным, назвали достоинством. Жернова все крутились и крутились, перетирая в пыль уроки истории. Они не были нам нужны. Мы впервые осознанно строили свой новый мир. Как умели и чего были достойны, простите...

* * *

О возможном появлении в нашей не очень крупной, но неплохо зарабатывающей фирме нового солидного человека я поняла из телефонного разговора шефа. Впервые наблюдала волнение в его глазах и уловила нотки пиетета... Господи, о чем это я? Шеф таких слов не знал и терпеть не мог в разговоре, потому что они напрягали его незамутненное литературными глупостями сознание.

Шеф с придыханием частил в трубку, отирая крепкую потную шею и бахвалясь, что завладел такой «штукуевиной», как Виктор Андреевич. Конкуренты могут заказывать Шопена на дом! Более красноречивой характеристики не требовалось. Довольный, взволнованный до пота шеф – это не характеристика, это «Оскар»! Я с интересом ждала появления оригинала.

Неделя заканчивалась, а чудеса так и не случилось. Мне стало скучно. Зачем ажурные колготки со среды по пятницу, ангорская кофта с гроздьями бусин, туфли на шпильке? Я устала ждать и устала быть невероятно красивой всю эту неделю.

Во второй половине дня, когда пятница уже не была по сути пятницей, а становилась кануном субботы, резкий телефонный звонок дернул меня в кресле. По чулку скользнула стрелка – трехдневная зарплата на помойку.

– Ерш твою маман, – с этими словами я «любезно» подняла трубку.

– Вы, судя по всему, брюнетка? – глубокий низкий голос потянул меня в свой омут.

– Почему-у-у-у? – я попыталась выпутаться, но последняя «у» уже поддалась и увязла, спускаясь на октаву ниже.

– Только брюнетки бывают так «приветливы» по телефону.

Если предположить, что мужчина не хотел меня обидеть, то я настаиваю – обидел. В своем мощном, густом голосе властителя саванны он просто бесследно растворил мой писк глупой крашеной брюнетки.

По природе я никакая. Не блондинка, не брюнетка, а так, не понять что. Мышь. Пока контора окончательно не определилась с неформальными лидерами (шеф не в счет), я, успешно маскируя мышиный цвет, почти профессионально исполняла роль брюнетки. Что это значит? Все, и главное, стиль поведения. Пользуясь данным мне должностью правом требовать исполнения воли руководства, капризничала, заставляла переделывать документы, требовала дополнительных согласований. И не потому, что была стервой. Просто это способ выживания офисного планктона. Хотя в девяносто первом такое понятие еще не вошло в обиход. Принцип прост – заставь считаться с собой, выстави коллегу небезупречным, но вовремя кинь спасательный круг: «Я подожду, пока Вы исправите цифры. Шефу докладывать не буду, но поторопитесь». И все – он твой. Он обязан, зависим, поработен. Я знала эти игры и умело использовала,

но для убедительности образа необходимо было стать еще и брюнеткой. А сегодня обладатель редкого по глубине и гипнотическому влиянию голоса, поймав врасплох, раскрыл меня легко, как семечку. Истинная брюнетка не спросит, как глупая гусыня, «почему-у-у».

– Я хотел бы переговорить с Савчуком.

– Боже мой! Какое счастье, что Вы позвонили нам сами! А Савчук-то как хотел бы переговорить с Вами!!! – мысли в секунду обозначили суть того, что следовало бы сказать в ответ на его уверенное «я хотел бы», потому что, медленно произнося слова, тяжело справляясь с мощью собственного голоса, мужчина ничего не просил. Ему незачем было это делать, он просто организовывал нашу работу так, как ему было удобно. У меня не было никаких внутренних сомнений, что Савчук не сможет оказать сопротивления этой чуждой нам воле, и, как жертвенная овца, поплелась с докладом в кабинет. Сообразить и просто перевести звонок на шефа я не смогла. И не надо меня строго судить. Никто, никто не смог бы этого сделать.

Шеф посмотрел нехорошо. Обычно мне доставало ума улавливать его настроения и не лезть на рожон. Это позволяло держать сабли в ножнах и сохранять покой границ. С остальными сотрудниками он не был столь щепетилен – случались казусы. Попадание «под руку», отсутствие, когда «как без рук», каралось шефом бескомпромиссно. Сегодня на заклание шла я.

Ноздри шефа ожили и начали раздраженно вздыматься, как меха в кузне. Глаза потемнели, и из зрачков на меня глянуло скорое возмездие. Чтобы найти достойное моей глупости имя, шеф замешкался на четыре долгих секунды. Этого оказалось достаточно, чтобы успеть вставить: «С Вами хотел бы переговорить...» Дальше сказать было нечего. Я не спросила у звонившего, ни кто он, ни по какому вопросу, договаривался ли предварительно о телефонном разговоре именно в пятницу. Брови шефа, съезжавшие в это время на переносицу, вдруг остановились, в глазах мелькнула растерянность. Некрасивой, грубой, крестьянской рукой он суетливо задержал над телефонной трубкой.

– Линия! Какая линия?

– Вторая, – ляпнула я первое, что пришло в голову. Хотя какая может быть линия? Она у нас одна, была и есть. Самая что ни на есть простая прямая линия «я – шеф», «шеф – я».

– Хорошо. Иди, иди скорей и дверь, дверь закрой, – шеф стремительно смял в огромной лапнице смешную, бирюзового цвета телефонную трубку.

Я вытекла в приемную...

* * *

Про его чумовой телефон стоит рассказать отдельно. Шеф во всем был таким. Дамский, ярко бирюзовый телефончик я заказывала в комплект к своему такому же бирюзовому креслицу. Представляете, чего это стоило на фоне черных (по благу «черных польских») телефонных аппаратов того времени! Мой крупногабаритный шеф, как варан, чуть прикрыв глаза, не проявляя видимого интереса, отслеживал любые изменения на территории обитания. Броское, стильное, профессионально адаптированное для секретаря креслице он пропустил, по всей вероятности, только из-за явно не подходящего размера. А телефон упер в свою нору, как только увидел его еще не полностью распакованным на моем столе. Это был, пожалуй, единственный случай, когда я готова была первой развернуть военные действия. Но шеф применил хитрый тактический ход – вызвал к себе и, поглаживая короткопалой лапницей телефон, накидал ряд несрочных поручений. Оставалось понять, что целью приглашения меня в кабинет было одно – желание четко обрисовать границы своей собственности. Уступать он был не намерен.

«Да подавись ты, ящерица», – подумала я и вышла из кабинета.

Впоследствии он должен был не раз пожалеть о содеянном. Каждый проходящий, при ком шеф демонстрировал свою цивилизованность и демократичность, советовал шефу отдать телефон секретарю. Мол, так составит комплект в приемной, будет «зашибись». Шеф делано улыбался, обещал подумать над хорошей идеей, а проводив посетителя, сжимал крепкие челюсти, уносился в свой кабинет, как разъяренный боров, и долго бурчал оттуда, чтобы я сдала кому-нибудь свой «стульчик» и сидела бы, как все, в нормальном сером кресле.

Он был жаден до всего нового и необычного, как все обездоленные в раннем детстве. У него были какие-то родители, но ничего свыше пирожка «с повидлой», крошки на полузабродившем квасе и картошки дважды в день отпрыску не полагалось. Семья была простая, если не сказать примитивная. Денег в доме не водилось. В праздники и по выходным скорее пол-литра могли внести в семью настроение. А все эти «крем-брюле с антрекотами», как рассказывал впоследствии шеф, считались буржуазным соблазном, которому не место в простом пролетарском доме.

Дорвавшись до денег, шеф не мог наесться ими, насмотреться на них, навладеться до отрыжки. Неприлично любил подарки, ждал их к праздникам, по любым незначительным поводам и абсолютно не терпел несправедливости по отношению к себе – все новое, необычное, пусть даже копеечное, но диковинное должно было быть только у него одного. Такая натура...

* * *

Спустя минут десять шеф выполз в приемную «в новой коже». За время короткого телефонного разговора он преобразился до неузнаваемости – сиял, был необычайно доволен, потирал сытое брюхо. Мне редко приходилось видеть его в столь благостном расположении духа.

– Санька, – это он меня так называл, на самом деле я Александра, – распорядись, чтобы подготовили место для нового сотрудника. Ты не представляешь, что это за человек! Это находка, это наша броня! Теперь мы таких дел наворотим, что дух захватывает! А маркетологов сраных – в коридор, все одно толку нет. Кабинет привести в порядок, стол там, компьютер новый, ну сама знаешь. Пепельница чтоб на столе была. В понедельник сам проверю.

– Пепельница? – туго соображала я.

Здесь надо сделать пояснение. Шеф не курил и дыма сигаретного не выносил на дух. Я перешла на тайное курение в нерабочие часы. Первую, и ее же последнюю, утреннюю сигарету выкуривала до восьми ноль-ноль. Если позже, шеф с порога улавливал запах табака, и тогда день уже не казался мне томным. А тут пепельницу в кабинет. Дела!

* * *

В понедельник все складывалось против меня. Трамвай встретился на рельсах с «москвичом». Я рванулась к автобусу, не успела, и галопом, проклиная брусчатку центральной площади и тот день, когда мне впервые пришлось приступить к каждодневному изнурительному секретарскому труду, понеслась в сторону родной конторы. Пробегая мимо ларька «Союзпечать», краем глаза выхватила в свалке «колониального» товара здоровущую пепельницу.

«Ерш твою маман! Как я могла забыть о ней?» – лихорадочно начала скрести по дну сумки, нашарила кошелек и, упав на спину страждущему до «Комсомолки» гражданину, выпалила в окошко киоскеру: – Пепельницу мне.

Работница точки мелкой торговли вопросительно посмотрела на «комсомольца». Я давала ему на спину посильнее, и он сдался: «Обслужите уж девушку, видно, торопится сильно». А мне, не поворачивая головы, с мольбой в голосе: «Девушка, освободите мой позвоночник! У меня серьезная травма... три года назад была. Я корсет восемь месяцев носил».

Действительно, чего я легла на этого хлюпика? Пришлось немного отступить и ослабить давление на его травмированную, измученную корсетом спину. К тому моменту продавщица подтянула к окошку пепельницу.

– С Вас триста рэ, – не удивила меня очередным скачком цен продавщица. Это полгода назад я, возможно, зарыдала бы от бессилия и безденежья. Триста рэ – месячная зарплата моих родителей вместе взятых! Но это было полгода назад. А сейчас я постепенно свыкалась с мыслью, что зарплата в две с половиной тысячи оказалась мне доступной и виделись даже перспективы роста.

– Грабеж, – икнул «комсомолец».

– НЭП, – хихикнула киоскерша.

Они были уже из разных классов, по разные стороны баррикад. Угнетатель и угнетаемый, буржуй и пролетарий. А все потому, что мужчинка трудился на благо науки, судя по внешнему виду, а продавщица осваивала азы предпринимательства.

Я выгребла все, что было в кошельке. В последнюю минуту спохватилась и утащила из мятой денежной кучи полтинник. Он был явным перебором, а хищная киоскерша поглотила бы его вместе с остальными купюрами, не глядя мне в глаза.

– Девушка, пепельницу возьмите!

Я протянула руку, но продавщица предупредила:

– Двумя руками держите, тяжелая.

Не то слово! Монолит! Я отползла от ларька, запихнула пепельницу в сумку и уже не так резво преодолела финишную дистанцию до здания фирмы.

Шеф не обманул. Как новый рубль, сияя и переливаясь в лучах утреннего солнца, он сторожил приход Виктора Андреевича. Я пришла первой. Шеф набрал в легкие воздух, чтобы звуковой волной снести меня с красной ковровой дорожки, которую мысленно расстелил от входа, но я сразила его пепельницей. Образно выражаясь, конечно.

Когда я достала ее, тяжелую, как моя зависимая судьба, шеф потеплел.

– Это ты правильно, Александра. Неси в кабинет. Солидная вещь.

«А то! Мрамор, батенька! Монолит!» – подумала я и потащила «монумент» в кабинет маркетологов. По дороге вспомнила – бывший – и тут же лицом к лицу столкнулась с униженным и отлученным начальником отдела маркетинга. Пятничным эпитетом шефа по отношению ко всей его команде я тоже вспомнила, но сплетничать не стала. Подумала только: «Почему это маркетинг сраный? Раньше незаметно было».

На столе было чисто убрано, ни пылинки, ни напоминания о прежних владельцах. Пепельница легла всей мощью рядом с письменным прибором. Я полюбовалась ее убожеством и вышмыгнула из кабинета. В коридоре уже слышалось восторженное кудахтанье шефа и бас Виктора Андреевича. Пришел...

* * *

Что-то определенно мышинное было в ту пору в моей натуре. Я заметалась по приемной, на ходу переобуывая туфли, поправляя съехавшие к лопаткам плечики под кофтой и сгребая в ящик стола стопку небрежно брошенных, подписанных шефом платежек. Не прошло и десяти минут, как в приемную заглянул первый любопытный.

– Не знаешь, Александра, кого там шеф приволок? Рокот в коридоре стоит, работать невозможно.

– Ты, Юрочка, мнение при себе бы попридержал.

– А что?

– А ничто. Человек к нам пришел на работу. Новый. Солидный. И, как видится, все вместе для шефа мы стоим меньше мизинца этого господина. Так что делай выводы. Может, еще успеешь.

Юрочке дважды объяснять не пришлось. Он скумекал все правильно и растворился в мгновение ока. Успел до того момента, как дверь приемной отворилась и шеф, небрежно бросив в мою сторону: «Это мой секретарь. Александра», пригласил гостя в кабинет.

Глядя на Виктора Андреевича, я поняла, откуда берутся такие голоса. Передо мной стоял высокий, крупный, статный мужчина лет пятидесяти пяти со слегка вьющимися, великолепно лежащими волосами, крупной головой, тяжелыми верхними веками и глазами старого сенбернара – немного красными, печально умными, все понимающими. У такого мужчины не могло быть высокого, нервно-капризного тенора или хотя бы бархатного баритона. Здесь мог родиться только бас, от которого у любого находящегося рядом тяжело бухала грудная клетка.

– Здравствуйте, Александра, – со всех углов приемной лавиной обрушился на меня звук. – Я впервые оказался неправ. Вы действительно не брюнетка.

Маленькие глаза шефа заметались на просторной физиономии. Он что-то пропустил в наших взаимоотношениях с Виктором Андреевичем и испугался, что пропустил важное. Надо было немедленно вернуть себе внимание гостя, и шеф брякнул:

– Она брюнетка, Виктор Андреевич.

– Нет, Александра у нас шатенка. И это ей идет гораздо больше, чем мрачный, слишком грубый для нее черный цвет.

Этим же вечером я перекрасилась и никогда больше в своей жизни не возвращалась к образу брюнетки...

* * *

В первые несколько недель Виктор Андреевич почти не выходил из кабинета шефа. Я периодически заглядывала к ним, предлагая густой, сладкий, как патока, чай, кофе или занося бумаги на подпись. Шефа всякий раз заставляла пишущим, рисующим схемы на больших листах белой бумаги или говорящим по телефону. Но создавалось впечатление, что за всеми его телодвижениями стоит мысль Виктора Андреевича, который придирчиво и строго инспектирует шефа, а тот старается изо всех сил, но подозревает – результат не выше тройки.

Спустя месяц с хвостиком их настроенный на крупную дичь капкан сработал. Перед этим Виктор Андреевич с шефом два дня отсутствовали в конторе, а тут приехали после обеда. Шеф был навеселе и будто светился изнутри. Потребовал подать виски, коньяк, бутербродов. Дюжие ребята-охранники затащили следом несколько картофельных мешков. «Ботву» рассредоточили по сейфам, ребята вышли довольные – шеф не поспешил. Виктор Андреевич посидел в кабинете еще с полчаса, появился с черной кожаной папочкой подмышкой, попросил меня принести чаю и не торопясь отправился в свой кабинет.

У нас не принято было подавать чай работникам конторы. Даже начальникам. Но для Виктора Андреевича я делала исключение. И не потому, что он как-то по-особенному просил меня об этом. Я сама готова была предлагать свои услуги – такой это был человек.

Следом за Виктором Андреевичем из кабинета вывалился мой начальник. Он был уже сильно нетрезв, мимика и слова искаженно отражали его глубокий мыслительный процесс. Он что-то нечленораздельно промышчал, глупо улыбнулся, пустил слюну и, наконец, плюхнулся в одно из широких, низких кресел. Смотреть на это неформатное существо было противно. Он, как и большинство начальников его типа в сходном состоянии, что-то силился приказать, потребовать, тут же молот чужь о своем величии и могуществе. Но временная потеря координации и сил не позволяла ему быть поистине ужасным. Я молча приготовила чай, а когда поставила его на поднос, чтобы отнести Виктору Андреевичу, шеф вскинулся:

– Куда-а? Начальнику... Ты должна только начальнику... Чай – дерьмо. Водки давай. И рядом сядь, выпьем...

– Виктор Андреевич просил принести чай.

– Виктор... Андре-... -ич? – лицо шефа стало глупо-умильным. – Неси, ему неси. Скажи, я приглашаю к себе. Нет, сиди, я сам отнесу чай. Сиди, работай.

Я попыталась защитить поднос, но побоялась, что пьяный шеф рванет его на себя и опрокинет горячий сладкий чай. На свой дорогуший пиджак или на меня – один черт, обидно...

* * *

Обсуждение инцидента, в лежку уложившего всю контору, продолжалось несколько дней. Встречаясь в коридорах, сотрудники перешептывались одними губами, при виде шефа отводили глаза с пляшущими чертиками, а за спиной едва удерживались от хохота. Он тогда все-таки вывернул чай на себя. Обжегся и, как ошпаренная свинья, долго визжал и бился у закрытого кабинета Виктора Андреевича. Шеф молил пустить его, что-то пьяно гундосил и признавался в любви Виктору Андреевичу и его необыкновенным мозгам. А кабинет был пуст. Его хозяин, как потом поведал мне охранник, ушел с работы раньше и уже не обещал вернуться – пятница. Не знал этого только шеф. Липкий и непонятый, он встретил субботу в конторе, на диванчике для посетителей, прикрытый безнадежно испорченным пиджаком и с тяжелым похмельным синдромом. Все клиенты, посетившие фирму в пятницу во второй половине дня, и подчиненные, вечером покидавшие контору на выходные, с интересом и смехом наблюдали трогательного, примостившегося на маленьком диване шефа, в винном угаре и сладких снах забывшего на время свой венценосный статус...

* * *

Весть о том, что шеф с Виктором Андреевичем ободрали конкурентов и увели из-под носа огромную партию автомобилей «Жигули» по ценам советского периода, вмиг облетела фирму.

Настойчивые и бескомпромиссные попытки разборок не удались. Виктор Андреевич выезжал с шефом и парнями из безопасности на «стрелки», подписывались и переподписывались какие-то бумаги, конкуренты скрипели зубами, но что бы ни предпринимали, все только усугубляло их положение. Против братвы работал профессионал – юрист и бывший прокурор, человек знающий, умелый, умный и решительный. Такой, какой анархическая малограмотная «деловая» среда девяносто первого не могла ни опередить, ни обыграть, ни разгадать...

* * *

С некоторых пор я пользовалась особым расположением Виктора Андреевича. Почему – не знаю. Возможно, способствовал мой возраст – в семье у Виктора Андреевича было трое детей, один из которых старше и двое – практически мои ровесники. А может, моя полная преданность и нескрываемое обожание в глазах были приятны и даже лестны ему. Со своей стороны признаюсь, для меня никого замечательнее Виктора Андреевича в тот период не существовало. Его появление на фирме внесло ясность и установило паритет сил – он, а потом все остальные. Равных Виктору Андреевичу быть не могло. Я успокоилась, перестала выпускать иголки, защищая свое место в сообществе, и стала вполне нормальной работающей и неглупой секретаршей.

Он часто заманивал меня в кабинет поговорить. Начинал всегда с текущих новостей. Политинформация перетекала к оценкам и ловко встраивалась в осознание системы общемирового устройства. С ним многое прояснялось, воспринималось живым и объемным, проявляло ранее скрытые ракурсы. С ним думалось шире и свободнее. Причины и следствия, как кровеносные сосуды на муляже в кабинете биологии, становились явными, хорошо различимыми. Они переплетались, прошивали тонкими строчками события и были неразрывны в своем хитросплетении. Я напивалась его философией, набирала впрок его знания, училась думать раньше, чем говорить. Я снова будто в школе готовилась к его урокам.

Но тайной надеждой, долгожданным десертом для меня всегда был переход к его рассказам о жизни. Неспешно, очень образно и интересно повествовал он о многом, что довелось пройти. К моменту нашего знакомства Виктор Андреевич имел такой багаж воспоминаний, что вполне мог издать собрание мемуаров. Я слушала внимательно и молча, что, по всей видимости, делало меня идеальным собеседником.

Находясь рядом с ним, я сама не заметила, как из гардероба ушли любимые мной ажурные колготки и вызывающие мини-юбки, менее агрессивным стал макияж, были преданы забвению ужасающие мохнатые и в люрексе кофты. Здесь это было неуместно, и я легко рассталась с когда-то таким привлекательным образом модной «коммерческой» штучки. Я стремительно взрослела, умнела, росла профессионально. Печатаю его документы, училась складно излагать мысли, учитывать нюансы, четко и логически верно выстраивать текст. Я помогала ему готовить договоры, составлять акты. Не отказывалась исполнить любое поручение, даже когда он просил помочь выбрать туфли для дочери. Похвалы Виктора Андреевича только скрепляли нашу дружбу и мое к нему почти благоговейное отношение.

Мне нравилось все – его безусловный авторитет, мелкое заискивание перед ним сослуживцев, я с гордостью наблюдала, как на совещаниях он, выслушав мнение остальных, спокойно дожидался возможности последним выразить свою точку зрения и, не включая мощь голоса даже наполовину, укладывал оппонентов на лопатки, а у остальных оставлял впечатление пронесшегося катка.

Совершенно забыла рассказать продолжение истории с дамским телефоном моего шефа. Телефон давно перекочевал ко мне на стол. Одного замечания Виктора Андреевича хватило, чтобы шеф сдался наконец, и однажды утром я обнаружила телефон выставленным в приемную. Теперь два насильно разлученных предмета, тяготеющих друг к другу, как внутриутробные братья, воссоединились, и комната приобрела законченный вид. Яркие бирюзовые акценты на фоне шкафов цвета слоновой кости и таких же мягких кресел, подчеркнутые зеркалом стола из темного дерева, – я так тщательно создавала интерьер, с такой любовью подбирала детали. И вот спустя полтора года телефон был выдан мне без обсуждения. Победа! Моя или Виктора Андреевича – какая разница. Мы – единое целое.

Оставаясь вдвоем в его кабинете, мы часто смеялись. Виктор Андреевич любил будто невзначай, но очень точно и похоже представлять кого-то из нашей конторы. Образы жили в его мимике, движении больших рук, игре тяжелых бровей. Он умел ухватить и женское жеманство, и мужскую напыщенность, и опоздавшее кокетство тучной пожилой дамы. Я понимала, что его отношение к коллегам скорее снисходительное, да и вряд ли он считал их коллегами.

Очень многие добивались расположения Виктора Андреевича. На лету хватались его шутки и иронические замечания, которых всегда было вдоволь. Я не видела ни разу, чтобы кто-то, над кем Виктор Андреевич направлен и весьма остро подтрунивал, нашел в себе силы возразить, кинуться на защиту своего достоинства. Сделать это было непросто еще потому, что все присутствующие, в данный момент обойденные особым вниманием Виктора Андреевича, тут же оставляли объект обсуждения в полном одиночестве. Никому не хотелось примкнуть к отряду осмеянных.

Его признание и уважение распространялись на считанное количество персон. В число их входили несколько толковых специалистов из нашей фирмы, безусловно, жена и, как ни странно, я. Остальные были мне неизвестны, но это тем больше повышало мою самооценку и заставляло усерднее работать над собой. Я боялась подвести его, выйти из круга приближенных, я боялась потерять его доверие и легко поддавалась радостной возможности шутить (так мне казалось) над людьми, отстоящими гораздо дальше от моего гуру...

* * *

Единственным, кто не входил в круг интересов Виктора Андреевича, был мой шеф. Вернее, интерес сходил на узко профессиональной области. Позволить себе играть за спиной шефа, обсуждать его Виктор Андреевич не мог. Сознание субординации не допускало вольностей. И так как шеф не копировался, не обыгрывался и не упоминался вовсе, я как-то упустила его из виду. Он потерялся для меня на фоне Виктора Андреевича, хотя по-прежнему я была его секретарем и помощником. Да, теперь помощником, благодаря рекомендации Виктора Андреевича, которую шеф воспринял как настоятельную просьбу.

А перемены в их отношениях произошли существенные. Виктор Андреевич, как и ранее, был посвящен в закрытые сделки и наиболее важные планы шефа. Он защищал его интересы во внешней официальной среде, где шеф был совершенно косноязычен, неумел и неуклюж. Но девяносто второй – девяносто третий годы были временем жестких испытаний, криминальных разборок, убийств. Удержать доходную контору на плаву, не отдать ее на разграбление рэкетиров было почти невозможно. Шеф стискивал зубы, еще и еще добирал охранников, пил до неменяемого состояния с генералами из внутренних дел, щедро оплачивал услуги Виктора Андреевича, а параллельно содержал целый штат адвокатов, бывших разведчиков и, подозреваю, имел дела с криминалитетом. Жизнь заставляла его быть жестким и бдительным. У него, как у зверя, обострились все органы чувств, он никому не верил, то и дело менял маршруты, планы, рушил стереотипы. Выстроил за городом дом с укрепленностью тюрьмы. Он проживал самый нелегкий период перестройки, каждый день рискуя своей шкурой. Но это был его осознанный выбор.

В то же самое время мы жили гораздо свободнее, проще и расслабленнее, не обладая ни тем количеством денег, ни набором железобетонных обязательств или перечнем реальных врагов, которые заставили бы стать заложниками у самих себя. Мы могли играть в эти офисные игры и всерьез считать мелкие рабочие стычки значимыми стратегическими сражениями. Мы проживали одни и те же годы, наблюдали одни и те же события, но существовали будто в разных изменениях.

Шеф двигался своим непростым внеобщественным курсом и давно ушел вперед, преодолев уровень инфантильности, заложенный в нас советским строем. Ушел, а мы этого не заметили и по-прежнему считали его недалеким мужиком.

Виктор Андреевич, пожалуй, тоже заигрался. А может быть, просто давно переболел этими страстями. В его жизни были и власть – непомерная и безграничная, и деньги, благодаря которым тогда и сейчас он содержал свою многочисленную семью. Он видел изнанку общества, и высокая степень брезгливости не позволяла ему вступать на путь сомнительных сделок. Он был умен и сдержан, расчетлив в желаниях, осторожен, если хотите. При этом мне он был близок и понятен гораздо больше шефа, стремления которого всегда казались чрезмерными, какими-то примитивными, низменными, исходящими корнями из его неблагополучного голодного детства. Я не жалела, а скорее презирала его за жадность, зависть, неразборчивость, грубость, омерзительные периоды пьянства, неразвитость его убогой душонки. В осуждении своем я намеренно не хотела учитывать тот период отрочества, который во многом мог бы объяснить формирование его личности.

У меня вообще всегда было убеждение, что простые человеческие заповеди, как программа, закладываются в наш мозг с рождения. Нет детей, прицельно рождаемых быть убийцами, ворами, наркоманами, проститутками. И если несчастному ребенку суждено оказаться в нечеловеческих условиях, в дальнейшем с тем большим желанием вырваться в нормальную человеческую среду он должен приходить в общество. Что поделаешь? Девочка из благополучной, интеллигентной семьи, всей смелостью которой было курение и короткая юбка. По-другому я, наверное, и не могла тогда рассуждать. Слишком ограниченным, примитивным и психологически неразвитым был мой опыт. Шеф был для меня богатым, но отнюдь не вызывающим уважения или желанием подражать его образу жизни. Я изначально вычеркивала его из списка достойных людей.

* * *

Первый случай моего несогласия с мнением Виктора Андреевича произошел столь неожиданно, что я не нашла нужных слов, сил и мужества открыто высказаться по этому поводу.

Утренняя кофейная церемония в его кабинете, очастливленная еще и тем, что шеф отбыл в командировку, проходила в дружественной атмосфере. Говорили даже не помню о чем, когда Виктор Андреевич поведал вдруг о недавней ссоре с женой. Мне было известно, что супруга Виктора Андреевича – женщина очень уважаемая им, красивая, умная. Она тоже юрист и тоже, судя по всему, весьма востребованный. Воспитала троих детей, содержала в порядке дом, готовила, убирала, стирала на всю семью. При этом никаких излишеств в квартире не имелось. Ни стиральной машины-автомата, ни автомобиля, ни даже мужа, который готов был бы включиться, например, в процесс сопровождения детей в спортивные секции. Эти обязанности Виктор Андреевич всецело доверял жене и искренне полагал, что женщина обязана справляться сама, без привлечения мужа к домашней работе. Он, кстати, никогда не называл ее женщиной – «жена», «моя» или «баба». За «бабу» я обижалась, но Виктор Андреевич считал меня в этом вопросе абсолютной девчонкой и часто говорил: «Баба – это высшее проявление уважения. В русском народе никогда не было другого обращения, что не мешало ценить и гордиться русскими бабами. Как и „мужик“. Мужчина – это неизвестно кто и что. А мужик – это хозяин, это сила, фундамент, это человек дела».

Я помнила эти разговоры, чему-то удивлялась, что-то пропускала мимо ушей. Мне, пожалуй, удобнее было убедить саму себя, что такой муж, как Виктор Андреевич, не должен размениваться на бытовые мелочи. Своей семьи у меня тогда не было, поэтому представление о судьбе хозяйки я имела весьма поверхностное.

И вот Виктор Андреевич рассказывает мне, как в выходные они с женой отправились в магазин за продуктами. Если бы не ее больная спина, похода не состоялось бы вовсе, но нужны были овощи, еще всякая всячина, поэтому идти пришлось вдвоем. Она долго, по его мнению, собиралась, складывала пакеты, составляла список, причесывалась и одевалась. Виктор Андреевич, искренне восхищаясь красотой своей супруги, всегда подчеркивал тем не менее, что содержать себя в ухоженном, прибранном состоянии женщина должна как-то незаметно и не в ущерб семье. В переводе на человеческий язык: утром, к моменту пробуждения кого бы то ни было из обитателей дома, она должна быть уже в полном порядке, а вечером, до того, как семья отойдет ко сну, не позволять себе исказить облик ночной рубахой, растоптанными тапками и неприбранными волосами. Затянувшиеся сборы привели Виктора Андреевича в дикое раздражение, и он еле сдерживался.

«Вот это ново, – подумала я. – Никогда раньше мне не приходилось задумываться, а какой он дома? Как проявляется его недовольство, как строится его общение с близкими? Оказыва-

ется, такие мелочи, как долгие сборы, могут вывести его настолько, что и сейчас, рассказывая, он не готов контролировать эмоции».

Тем временем Виктор Андреевич продолжал. Как назло, уже практически на подходе к магазину супругу окликнул какой-то сослуживец. Виктор Андреевич знал его шапочно. Кивнул для приличия и шагнул было дальше, но товарищ не понял момента, не ощутил напряжения в чужих семейных отношениях, остановился, заговорил о работе, и отбойриться от него не было никакой возможности. То ли они вместе занимались подготовкой юридического заключения по непростому делу, то ли просто нашлась тема, которую не обсудили на работе, но слово за слово жена Виктора Андреевича вынуждена была поддержать разговор.

Не ревность, не какие-то другие, хоть сколько-нибудь понятные причины вызвали негодование Виктора Андреевича. Скорее всего, дело было в том, что многие годы он занимал высокий пост. У него атрофировались бытовые навыки самостоятельного хождения по магазинам, оплаты счетов, передвижения в общественном транспорте. Всюду вопросы решала жена, личный водитель от фирмы или кто-то, кто был рядом. А тут супруга занята разговором, Виктор Андреевич оставлен без внимания, что, как и где покупать, не знает, время идет, он устал и поэтому раздражен необычайно. И вся мощь его натуры сосредоточилась вдруг на несчастной женщине с больной спиной и кучей домашних забот. Он смотрел и ненавидел ее в этот момент. Ненавидел ее невнимание к нему, ее неумение прервать ненужный разговор, ненавидел даже дурацкий серо-голубой шарфик, который она подобрала к плащу – тон все равно не тот. И больше всего ненавидел свою беспомощность. Рывкнуть сейчас, чтоб сдуло этого уroda, так ведь потом подумают, что приревновал. Показать смешным Виктор Андреевич боялся.

Я снова сделала для себя пометку на полях – он боится показаться смешным. А как же его насмешки над сослуживцами? Мне всегда казалось, что Виктор Андреевич делает это открыто, без зла, артистично и тонко, и совершенно понятно, что также легко отнесется к хорошим шуткам в свой адрес. Оказывается, нет? Оказывается, показаться смешным для него непозволительно?

А Виктор Андреевич, вспоминая и снова переживая ссору, увлекся и, уже не следя за тем, чтобы казаться благородным, справедливым, достойным в моих глазах, медленно безжалостно и расчетливо, будто взводил курок, подходил к развязке. Разговор окончен, супруга спешит к Виктору Андреевичу и вдруг со всего размаха, со всей неимоверной силы получает хлесткую унижительную пощечину. Удар был такой, что она упала с крыльца магазина, разбила локоть, выронила сумку, а Виктор Андреевич развернулся и, не говоря ни слова, отправился домой.

Я онемела... Я не могла представить женщину, падающую с крыльца от удара собственного мужа на глазах у прохожих, униженную, раздавленную презрением, окутанную и ошупанную любопытными взглядами. О ней подумали все, что подбросила шакаля фантазия. Ей не поверили, как не верят в России любой женщине, избитой мужем, – значит, есть за что. Никто никогда не представил бы, что это достойнейшая, преданнейшая, умнейшая женщина, которая всю свою жизнь положила под ноги ударившему ее человеку.

– За что, Виктор Андреевич? – робко вымолвила я.

– Баба должна понимать, что, если она идет с мужем, неприлично зацепляться на каждом углу и болтать невесть о чем. Баба должна знать, что если она не может сама справиться с домом, то надо уважать интересы и беречь время мужа, который согласился ей помочь. Баба, наконец, должна уметь не приносить работу на дом. Ее дело – семья. Я не собираюсь стирать за нее пеленки, готовить обед и все такое. Это ее долг.

– Какие пеленки, Виктор Андреевич? У Вас ведь дети моего возраста.

Он поднял на меня набрякшие глаза с нависшими верхними веками. Глаза старого сенбернара, но что-то в них было сейчас не собачье.

Мы ушли от дальнейшего обсуждения. Повисла долгая пауза. Виктор Андреевич первым потянулся за бумагами, я восприняла это как сигнал покинуть кабинет и вышла. Весь день прошел для меня будто во сне. Как сквозь вату, я слышала, что сослуживцы обращаются ко мне, что-то спрашивают. Отвечала односложно, работу делала на автомате. Домой ушла, словно пришибленная, будто это меня наотмашь ударили по лицу.

– И вовсе «баба» не уважительное слово, – говорила я себе в сотый раз. – В его понимании баба не человек. Она должна, должна, должна. Тогда что должен он? И как он там говорил: «Мужик – стена, фундамент»? Какой, к черту, фундамент, если может вот так шарахнуть тебя и уйти не оглядываясь!

Я снова вспомнила его глаза – недобрые, звериные, и впервые сомнение смутило мою душу. Хороший – о ком это?

* * *

Подошла к концу неделя. В понедельник ждали возвращения шефа. Я формировала отчет о проделанной работе, когда зазвонил внутренний телефон.

– Александра, заходи с чаем. Пятница, будем подбивать счета.

– Какие счета?

– Важные, приходи давай.

Счета были только поводом. Чай был выпит, постепенно потеплела обстановка. Разговор шел будто ни о чем и утаскивал хвостом настороженность начала недели. Мы снова смеялись, и я поймала себя на мысли, что, возможно, совершенно неверно поняла Виктора Андреевича. Не мог он просто так ударить близкого человека, жену. Что-то было недосказано, что-то важное, что так беспокоило и вывело его из равновесия, он опустил в рассказе. Может быть, и удар был не такой силы, если вон жена второй раз звонит ему при мне, и они по-доброму, по-семейному, хорошо и уютно разговаривают друг с другом. В их отношениях юмор, тонкий подтекст, истинное уважение присутствуют в большей степени, нежели в каких-либо еще наблюдаемых мной проявлениях его человеческих привязанностей.

До счетов дошли в конце. Виктор Андреевич достал квитанции на оплату квартиры, электричества, телефона. Попросил меня помочь сверить расчеты, отсчитал необходимую сумму, прибавил сверху еще пятьсот рублей, написал короткую записку и упаковал все это в плотный конверт.

– В конверт-то зачем? Можно рядом с нами оплатить. Хотите, я быстро сбегаю?

– Нет, не надо. Это я для дочери. Ей будет неприятно, если я сам заплачу. Пусть распоряжается деньгами. Я тут написал ей, чтобы счета оплатила, а пятьсот рублей на себя потратила. Кофточку, что ли, себе пусть купит или там еще что.

И тут впервые последовал рассказ о дочери. Виктор Андреевич сразу закурил, говорил, глядя в окно, и, мне показалось, отводил глаза, чтобы не показать навстречу слез.

Дочь жила отдельно в четырех троллейбусных остановках. Жила с сыном, которому исполнилось три года. Максимка родился, когда дочери только-только отметили двадцатилетие. Весть о беременности долго не решались донести до Виктора Андреевича. В течение жизни не раз наблюдая тяжелую долю детей, рожденных в тюрьмах, брошенных, забитых по пьянке собственными родителями, он молил судьбу уберечь от этого своих внуков и надеялся, что его внуки будут расти в полных счастливых семьях.

Алла была нормальной девочкой, не знала ни в чем отказа, видела, что родители трудятся всю жизнь, знала, как мама ведет хозяйство, управляется с ними тремя. Окончив школу, не пройдя в вуз по конкурсу, пошла работать в квартирное бюро. Денег немного платят, но платят. Отец надеялся, что несложная работа позволит дочери по вечерам готовиться к поступлению. Без института, понимал, в будущем гораздо сложнее.

Не стиснутая расписанием, уроками и постоянным родительским надзором, жизнь показала Алле просто славной. Она выходила с работы и, конечно, не бежала домой сломя голову, чтобы тут же сесть заниматься. Она гуляла с подругами, ходила в гости, на вечеринки, и как-то незаметно за Аллой стал ухаживать неплохой парнишка. Родители вряд ли одобрили бы ее выбор, да и сама она, честно сказать, несерьезно относилась к этим отношениям. Так, есть с кем в киношку сбежать, на танцы.

Однажды на работе загуляли в честь праздника. Женщины накануне наготовили салатов, купили селедку, торт, водку. Праздники на работе – отдельная тема. Это возможность хоть изредка оставить домашние заботы, поговорить, посплетничать, попеть. Алла не очень любила посиделки – скучно, а тут вдруг пошло. Выпила лишнего – хотела угнаться за более взрослыми тетками, чтобы не казаться на их фоне ребенком. Верный Игорек ждал, ждал ее у бюро, потом робко позвонил. Оказалось, гулянка идет вовсю. Тетки притащили смущенного Игорька, усадили рядом с опьяневшей Алкой, налили водки. Он тоже быстро закосел, пел вместе с чужими бабами «Сниму решительно платок наброшенный», а потом словно провалился куда-то.

Когда очнулся, было темно и никого кроме Аллы рядом. Со стола тошнотворно пахло остатками несвежих салатов, селедкой, утопленной в крепком уксусе, какой-то омерзительной брагой или водкой – не поймешь. Алка спала на стульях, прикрытая своей же курткой. Рукав свесился до пола и был наполовину вымазан рвотой. Алку, видимо, долго тошнило, пока она не забылась пьяным сном.

Игорь попытался ее разбудить, но она бормотала что-то нечленораздельное, при этом продолжая спать. Тогда он нащупал выключатель. Вспыхнул свет, обнажив всю неприглядность разоренного стола. Игорь прошел по коридору, отыскал туалет, взял ведро с тряпкой и больше часа отмывал комнату, которая к утру должна была выглядеть сколько-нибудь приличнее.

Было около трех часов ночи. Алка, разбуженная Игорем, долго редела, размазывая тушь по серому больному лицу и осознавая, что ее ждет дома. Игорь кое-как собрал ее, выволок на улицу, привел к себе домой и до утра сидел рядом, глядя на свою безобразно пьяную любовь. Утром все и случилось.

Потом была разборка дома, Аллу ругал отец, всю ночь прождавший дочь у подъезда. Мать молча смотрела на дочь и думала совсем не о том, что выкрикивал в сердцах Виктор Андреевич. Мама все понимала и переживала, что так нескладно у дочери состоялась первая любовь.

Спустя четыре месяца пришлось открыть Виктору Андреевичу правду. Сотрясались стены, дочь из угла затравленно наблюдала, как мама пытается убедить отца успокоиться и принять ситуацию как есть. Он разыскал Игоря, орал, что упечет в тюрьму. Игорь молчал, а когда Виктор Андреевич остановился, чтобы перевести дух, волнуясь и нервно схватывая ртом воздух, признался, что Алла отказывается его видеть. Он готов был хоть сегодня, хоть сейчас жениться, он хотел, чтобы родившийся малыш звал его папой. Но Алке он совсем не был нужен. Именно из-за его несовременности и странности – кто из случайных парней вот так будет ждать еще неродившегося ребенка, говорить какие-то глупости про браки на небесах, просить выйти за него замуж? Она не презирает и не ненавидит его, а просто не хочет. Виктор Андреевич растерялся. Пытался дома объясниться с дочерью, но так и не добился толку. «Не хочу, и точка», – твердила она, и Виктор Андреевич понимал – действительно, и точка.

Родился Максимка, обожаемый дедом с бабкой, дядькой – младшим братом Аллы. Как она относилась к ребенку, было не разгадать. Кормила, ухаживала, мыла, пеленала, но все молча. Игорь ходил под балконом первые дни. Алла, однажды увидев его, выскочила на улицу. В семье все затаились, может?.. Ничего не может. Вернулась, покормила Максима и больше об Игоре не упоминала, не вспоминала, не жалела. Вычеркнула отца своего ребенка из жизни навсегда.

Я смотрела на Виктора Андреевича и думала, что лучшего отца сложно сыскать. Сидит, подбивает счета, переживает, как бы не обидеть дочь, подкидывая деньги. Заботится, чтобы хватило на одежду, чтобы не чувствовала себя хуже других, чтобы не потеряла в себе женщину. Говорит об Алле с такой теплотой и болью одновременно.

Не знаю, кто и как повел бы себя в подобной ситуации. Чаще всего родители подсказывают ребенку простой и единственно, по их мнению, правильный выход. А вот так принять дочь? Принять со всеми сомнениями, ошибками, глупостями? Принять, единственный раз реально, не на словах, доказывая ребенку, что любишь его просто за то, что он есть, любишь всяким: хорошим, плохим, умным и не очень, ответственным, разгильдяем, падающим и пропадающим. Наверное, истинный характер Виктора Андреевича в том и состоял, что он мог обуздать свой нрав, вовремя сдержаться и вспомнить, что перед ним его же собственная дочь, какой бы она ни была. Я видела его сомнения даже сейчас, видела боль отца, но уже не за свершившееся – за будущее Аллы.

«Я плохо знаю его, – подумалось мне. – Недавно я позволила себе делать выводы, не разобравшись в обстоятельствах их ссоры с женой, не поняв, что творилось тогда в его душе. Я не уловила чего-то главного, не прочла меж строк, а в семейных отношениях нет второстепенных вещей. Все главное, все существенное и все имеет свое значение. Если жена готова простить ему оскорбление, почему роль судьи избрала я? Он хороший, он очень хороший отец и человек».

Вот так в жизни бывает. Одна неделя и два вывода: плохой и хороший.

* * *

Недавний разговор о дочери вскоре имел неожиданное продолжение, хотя основным действующим лицом был теперь старший сын – Андрей. Специально о детях я не расспрашивала – неудобно, но когда Виктор Андреевич сам заводил разговор, слушала внимательно и с большим интересом.

Утром Виктор Андреевич был у шефа. Сидели долго, потом Виктор Андреевич вышел явно раздраженный и озабоченный. Я не придавала значения – опять проблемы «на фронтах». Днем шеф, как обычно, уехал на встречи, вернуться не обещал, но мне надлежало до шести уж отсидеть честно.

Работы особой не было, и я по собственной инициативе заглянула в кабинет к Виктору Андреевичу. Он сидел чернее тучи.

– Неприятности?

– Нет, – ответил резко и зло.

У нас еще не было ничего подобного в отношениях, вины за собой я никакой не знала, поэтому решила дать ему время прийти в себя. Закрывая дверь, вдруг услышала:

– Куда? Заходи, раз пришла.

Я не знала, что делать. Приглашает, но таким тоном, которому я не хотела бы подчиняться и привыкать. Ослушаться не решилась, вошла, села на свое излюбленное место. Виктор Андреевич долго молчал и смотрел на меня в упор. Я не знала, куда деть руки, глаза, всю себя. Мне хотелось, как кроту, уйти под землю. Его злые, насмешливые, налитые кровью глаза все давливали и давливали меня в угол.

– Сын у меня приезжает. Старший, – и снова долгая пауза.

Я сидела и молча ждала продолжения.

– Угрозил же господь выродить такого. Ничего не скажешь – продолжение рода!

– Да что с сыном-то? – не выдержала я.

– Что с сыном, говоришь? Да ничего, тряпка, слизняк, дерьмо. Дерь-мо! – захохотал Виктор Андреевич.

– Вы это о сыне? Я хочу сказать, о своем сыне?

– О своем, б...!

Меня передернуло, как от пощечины. Ни разу он не позволял себе ругаться в моем присутствии. Никому другому никогда я не позволила бы произнести подобное. Даже неотесанный шеф, которому многое можно было списать на отсутствие воспитания, держал себя прилично. А тут...

И потянулся новый рассказ, новая история о жизни. Виктор Андреевич снова курил, до самого кончика, будто выгрызая сигареты изнутри. Тяжелый сизый дым наполнил небольшой кабинет. У меня слезились глаза, но я боялась прервать его.

По словам Виктора Андреевича Андрей был почти точной его копией. Высокий, статный, на голове копна красиво вьющихся волос. Виктор Андреевич в нем видел достойное продолжение рода, на него возлагал надежды. Но Андрей не обладал ни мозгами родителя, ни характером. Учился средне, поступить на юрфак не смог, как бы ни старался отец. Сходил в армию. В отличие от своих же друзей не стал заметным ни в роте, ни в среде товарищей. Не стал никем, кого хотел бы видеть в сыне Виктор Андреевич. Вернулся домой, устроился на завод. Виктор Андреевич обрадовался, что вот сын, мол, решил сначала рабочую закалку пройти, посмотреть, как оно – деньги зарабатывать. А потом уж в институт.

Но Андрей об институте даже не помышлял. На его пути случайно встретила женщина, которая перекроила жизнь всей семьи будто заново. Вера на заводе была баба известная. Не красавица, совсем даже наоборот – низкая, с тяжелыми бедрами, полными некрасивыми ногами. Виктора Андреевича раздражало ее круглое простоватое лицо, крупный нос картошкой и дико накрашенные, обведенные жирным контуром глаза. В довершение всего она славила на заводе слишком вольным поведением. Мужики появлялись в ее судьбе, уходили, но казалось, потери ее мало трогали. Она обладала удивительной способностью притягивать к себе все новых и новых воздыхателей. Крутила ими, помыкала, высмеивала на глазах всего завода. Феномен ее был непостижим.

И надо же было тому случиться, что именно к Вере прикипел душой Андрей. После работы он возился с ее шестилетним сыном, бегал за продуктами, занимался ремонтом. Вера почти открыто гуляла на его глазах с чужими мужиками, а Андрей ждал ее как пес – преданно и верно. Виктор Андреевич пытался образумить сына, переходя с крика на мягкие уговоры и снова взвываясь на крик. Андрей молчал, сжав кулаки, терпел и однажды просто исчез из дома.

На заводе выяснилось, что они с Верой уехали куда-то на Дальний Восток. Виктор Андреевич поднял все свои связи, отыскал беглеца и единственный раз в жизни послал не жену – поехал на разговор сам. Пришел в общежитие, дождался возвращения сына, поднялся вместе с ним в комнату и тут впервые увидел Веру.

– Что ты нашел в ней? Посмотри, сын! Вокруг столько баб, умных, красивых, порядочных. Посмотри в лицо этой самке. Она же не любит тебя! Ты нужен ей, чтобы содержать ее и ее отпрыска. Только для того, чтобы освободить ее от этого никому не нужного ребенка – сына. А пока ты будешь кашеварить, хозяйством заниматься, она на твоих же глазах станет блудить!

Вера выслушала Виктора Андреевича, усмехнулась, подошла близко-близко и, глядя в глаза, продолжая усмехаться, начала расстегивать халат:

– Вот такого мужчину я бы не упустила. Андрей, зря ты не познакомил меня с отцом раньше.

Виктор Андреевич посмотрел на сына, в его полные слез глаза. Отскочил от Веры как ошпаренный, а сын, срывая голос, закричал:

– Уходи, уходи, отец, иначе я за себя не отвечаю! Убью, убью своими руками! Ненавижу тебя! Ненавижу всю твою напыщенность, всю твою важность. Ты всем жизнь правишь, всем указываешь, что делать и как. Кому ты нужен, старый осел? Кому нужны твои ослиные советы? Убирайся. Мы сами разберемся со своей жизнью.

Виктор Андреевич провел ночь на вокзале. Ему все слышались последние слова сына: «Без тебя, слышишь, без тебя!» Утром уехал домой и больше ни разу не упоминал дома об Андрее.

Поддерживала связь с сыном мать. Ей он писал регулярно. У Андрея с Верой родилась дочь Ксюша. Фотографии долго пролежали на столе в надежде, что дед захочет взглянуть на внучку. Не захотел. Даже прикоснуться не стал. И так и не спросил про ребенка. Периодически мать отправляла деньги сыну, тот принимал с благодарностью, но сам никогда не просил. А недавно пришло письмо, что Андрей с Верой захотели купить машину. Сын спрашивал, может ли мать помочь им. Если да, то сын готов приехать за деньгами сам. Супруга Виктора Андреевича решила поговорить с мужем серьезно.

– Хватит его казнить. Как ты сам реагировал бы, если...

– Что если бы? – резко оборвал Виктор Андреевич. – Если бы ты на моих глазах начала соблазнять моего отца – убил бы. Тебя! Эта мразь отняла у нас сына. Эту судьбу ты для него хотела? Этого желала? А сейчас он вспомнил, что есть мать с отцом. Машину захотел. Приехать просто так за шесть лет не смог. А за деньгами на машину – пожалуйста, готов явиться.

– Витя, это наш сын. Он такой, каким мы его воспитали.

– Каким ты его воспитала! Ты! Это ты посылала ему деньги, чтобы мальчик мог содержать семью. Он мужик и должен отвечать за свои действия, если мужик. А писать письмеца маменьке, тратить присланные ею деньги, рассказывать, как его жена-проститутка шландает, а он – идиот – второго чужого ребенка воспитывает, ума не надо.

– Это наш сын! Мой! Мой!

– Твой, пока ты можешь ему помочь. Попробуй, ответь, что денег нет, и жди писем. Авось дождешься когда-нибудь...

Виктор Андреевич мерил кабинет из угла в угол. Я сидела, затаив дыхание.

– Он приезжает завтра.

– Приезжает? Несмотря на то..?

– Да. Я звонил ему. Сам. После нашего разговора жена места себе не находит. А я смотреть не могу, как она изводится. И спать не могу. Из-за него, дурака, не могу. Сказал, чтоб приезжал.

– Вы хотите с ним поговорить?

– Я хочу его увидеть, потому что он мой сын. И хочу, чтобы мать за шесть лет могла хоть однажды на него взглянуть.

– А машина? Он ведь приедет за машиной?

– И получит ее, чего бы мне это ни стоило. У меня на машину нет сейчас, но я сегодня разговаривал с шефом. Когда мы партию по дешевке отбили, он мне предлагал «Жигули». Я отказался – мне было ни к чему тогда. Сейчас к чему, да только шеф жметесь. Нет, говорит.

– Я слышала, он распродал все.

– А меня это не касается! – взревел Виктор Андреевич. – Я ему состояние на них сделал, капитал утроил! А он мне рассказывает, почему сейчас не имеет возможности. Я ему не рассказывал о возможностях, когда мы с ним бандитов – друзей его бывших – на бобах оставили. Всю партию тогда сцапали! Всех он тогда сдал и сам дрожал, как куриный подгузок. Кто из них жив теперь? У кого фирма процветает, коттедж стоит, жена из-за границы не вылезает. Все под разборку пошли, одного шефа я из-под удара вывел. А теперь он мне о своих сложностях вещает.

Я снова любила в нем человека. Человека с большой буквы, сложного, непредсказуемого. Но, став свидетелем его боли и его борьбы с сыном и за сына, хорошо понимала, что самые большие претензии, самые тяжелые обвинения и самый главный счет он предъявляет сейчас только себе. Мой замечательный Виктор Андреевич – человек, который учит меня многому, но никак не может научить чувствовать его, угадывать сложные ходы его сознания, неординарность действий.

Буквально через день я встретила у Виктора Андреевича с Андреем. Шеф не смог отказать Виктору Андреевичу. Машина проходила оформление. Андрей сидел рядом с отцом – не такой красивый, даже скорее некрасивый, со светлыми, почти белыми выщипавшимися волосами и такими же невыразительными ресницами. Длинный, долговязый и совершенно блеклый на фоне отца. Я подумала, что только родители способны видеть красоту в своих внешне не очень удавшихся детях и свое продолжение в личностях, абсолютно лишенных даже предпосылок повторить феномен отца. Но примирение состоялось. Виктор Андреевич представил меня, мы перебросились парой шуток, я угостила их хорошим кофе и пожала Андрею на прощанье руку. Он был мне совершенно неинтересен, ни внешне, ни внутренне. Я еще раз убедилась в том, как Виктор Андреевич, несмотря на свою недавнюю злость и раздраженность по отношению к сыну, любил его – непутевого. Как любил и видел в абсолютно невыразительном, бесхарактерном, ведомом парне красивого, будто сам, умного, перспективного человека. И с какой готовностью отделял его от «глупой, развратной, мерзкой твари» – его законной жены. Была ли она и вправду такой, был ли он так далек от нее, если жил с ней по собственной воле, – кто знает.

* * *

Шли месяцы. Неожиданно для самой себя я как специалист выросла в глазах окружающих и, главное, моего шефа. Время текло так быстро, что его не оставалось на анализ происходящих вокруг изменений. Поменялось многое – страна, общество, наша контора и даже шеф. Теперь это был неплохо подкованный, более светский, если вообще к его крестьянской внешности можно было применить определение «светский», влиятельный человек. Мы по-прежнему не находили с ним общих позиций и тем. Но в работе я неплохо ориентировалась, с полуслова понимала его требования, научилась выражать на бумаге его отрывочные и бессвязные порой мысли. Я много работала, несмотря на то что частенько проводила около часа в кабинете Виктора Андреевича. Просто добирала потом вечерними «посиделками», иногда брала работу на дом.

Шеф знал о моей дружбе с Виктором Андреевичем. Мнения своего не выражал, не препятствовал общению, но сам уже довольно давно вышел из тесного контакта с ним. Причин я не знала, да и не хотела о них задумываться. Меня устраивала роль единственного по-настоящему приближенного к Виктору Андреевичу человека...

А тут мой внезапно проявившийся, очень хиленький и неустойчивый «авторитет» вдруг приподнял меня над ситуацией, и я увидела приказ о повышении оклада чуть не втрое. С двух с половиной взлет был поистине стремительным. Мало кто в конторе получал столько же. Конечно, Виктор Андреевич не в счет.

Не веря своим глазам, я помчалась поделиться радостью.

– За что такие деньги? Смогла уговорить шефа? – недобрые глаза Виктора Андреевича пренебрежительно скользнули по мне, и он снова углубился в чтение какой-то несущественной бумажки. Я видела, что на листе текст занял не более полстраницы.

– Как уговорить? – я еще не осознала происходящее и отказывалась верить в подтекст сказанного.

– Ну не знаю как. Просто так зарплаты не повышают. Меня он оценил, получается, чуть не вровень с тобой и считает, что платит на сегодня больше, чем я работаю. А ты вдруг из секретарши выскочила на космический уровень. Вот я и пытаюсь понять – как.

Слезы тут же наполнили мои глаза. Я не стала отвечать, хотя с его стороны это было несправедливо. Он знал, что я работаю в два раза больше, что умею теперь многое. Договоры готовлю не хуже юриста, помогаю шефу во всех делах, как помощник веду свою серию заседаний. Шеф поручает мне организацию работы нескольких подразделений, и мне приходится глубоко вникать в их деятельность. Получается, что пока я зарабатывала в три раза меньше, я годилась в собеседники, вернее в пассивные слушатели. Меня можно было просить подготовить документы, отпечатать объявления для дочери, договориться, чтобы нотариус приехал в контору, а не Виктор Андреевич к нему. Я делала это честно, не ожидая награды, даже не думая о ней. Но и подобного отношения я не ждала.

С этого дня я перестала заходить в кабинет Виктора Андреевича. Знала, что теперь слушателем назначена женщина из кадров. Симпатичная, строгая, будто бы немногословная. Она всегда улыбалась мне, когда встречала в коридоре. Но улыбка была неприятной, словно ей было известно обо мне что-то пикантно-неприличное. Я здоровалась, но и только.

Через некоторое время по конторе поползли сплетни. Я узнала о них случайно, но когда зажала в углу одного из распространителей, выяснилось, что источником грязных разговоров является Виктор Андреевич. Его новая слушательница с удовольствием оглашает домыслы обо мне во всех отделах. Я ждала вечера, чтобы перед концом рабочего дня высказать все Виктору Андреевичу и не дать никому возможности тут же обсудить нашу стычку. То, что будет бой, я знала. Я шла на защиту чести и достоинства. Но ситуация меня опередила.

Около шести Виктора Андреевича вызвал в кабинет шеф. Буквально сразу мебель заходила ходуном. Высказывания Виктора Андреевича сложно было не услышать – голос разносил стены.

– Мне, юристу экстра-класса, Вы скрепя сердце выделяете смешную по нынешним временам зарплату, а этой девке поднимаете ставку чуть не вровень с моей. Может быть, мне теперь варить ей кофе? Или лучше в короткой юбчонке крутить здесь задом, чтобы заслужить повышенный оклад? У меня дочь сидит на работе по восемь часов, потом приходит и занимается сыном. И за это получает копейки. Но честно заработанные копейки! Может, подскажите, каким чудесным образом ей заработать больше? Если, конечно, это прилично.

Дверь внезапно распахнулась. Тяжелой решительной походкой вышел шеф и в полный голос, настолько свирепо, что я вжалась в кресло, коротко и ясно рявкнул:

– Вон!

Виктор Андреевич, как пес, которому со всей силы сапогом пнули в бок, скалясь, но далеко стороной обходя шефа, вышел из приемной. Я в ужасе смотрела на начальника.

– Не переживай, справимся, – только и ответил он на мой немой вопрос и тут же захлопнул за собой дверь кабинета.

Слезы полились горькие, горячие и злые. Я ненавидела Виктора Андреевича за его предательство. За что он облил меня грязью, извалял в дерьме, выставил на растерзание толпы? Никогда в жизни я не позволяла себе ничего того, в чем сейчас подозревалась. Я была честнее, чище, преданнее, чем он мог думать. Я поглощала его семейные тайны, хранила, как скупой рыцарь, и оберегала от посягательств непосвященных. Видя определенные возрастные изменения в его характере, старалась быть снисходительной, тактичной, понимающей. Я защищала его. Да, защищала, когда шеф, уже не таясь, стал открыто высказываться о слишком вольготном отношении Виктора Андреевича к дисциплине, о его явном отсиживании положенных часов без всякого видимого результата в работе. Оказывается, я была удобна, используется какое-то время, но и только.

И еще меня поразило то обстоятельство, что в разговоре с шефом он словно на пьедестале невинности, скромности, обездоленности выставил свою дочь Аллу, которая буквально неделей раньше довела отца до сердечного приступа. Я очень отчетливо вспомнила сейчас эту историю...

* * *

Виктор Андреевич пригласил меня к себе и попросил принести холодной воды. Я захватила стакан, прибежала тут же, и первое, на что обратила внимание, – на пепельницу на подоконнике. Он никогда не убирал ее со стола, потому что курил беспрестанно.

Виктор Андреевич поймал мой взгляд.

– Бросить вот приходится. Вчера «скорую» вызывали. Врач сказал, что если хочу пожить еще, с этим делом надо заканчивать, причем сразу и бесповоротно.

– Почему «скорую»? Что случилось?

– Справили день рождения Максимке.

– То есть как справили?

– А вот так. У него день рождения был вчера, в воскресенье, значит. А в пятницу мать его в садике забыла.

Я оторопела:

– Алла забыла ребенка?

– Да, Алла забыла ребенка. Я приехал домой, сели ужинать – звонок: «Ребенка забирать собираетесь?» Я жене – беги, потом будем выяснять, что случилось. Она в садик, я на телефон. На работе дочери нет, дома нет. На работе сказали, что вообще сегодня не приходила. Куда бежать. Может, машина сбила, по больницам, по моргам звонить надо. У меня сразу сердце заколотило. Тут жена с Максимкой возвращается. Ребенок рыдает навзрыд. Дома у них ночевал какой-то дядя. Вечером что-то отмечали, утром, понимаю, не протрезвев до конца, Алка засунула его в садик, а сама дальше гулять.

– Да разве у нее это бывало?

– Не бывало. Но видимо, когда-то в любой дом беда приходит. Жена села на телефон. Обзвонила, что могла. Ребенок успокоился, уснул. Мы его с Женькой – младшим нашим – оставили. Сами поехали к дочери. Свет в окне горит. В дверь звонили, стучали, никто не открывает. Я ключом запасным сунулся – а дверь изнутри заперта. Вышли из дома – в окнах света уже нет. Такая обида меня взяла, сказать невозможно. Думаю, всю жизнь на них положили с матерью. То один фертеля выкидывает, то вторая ум потеряла. Один Женька человеком растет. В субботу прождали весь день, думали, совесть в ней проснется. Так и не появилась. Жена торт испекла, салатов наготовила. Ребенок ведь не виноват, что у него мать – шмонделка.

– Виктор Андреевич, нельзя так. Вы нашли ее или так и не видели до сих пор?

– Как не видели? Пришла вчера, сыну день рождения праздновать. Он, дурачок, матери на шею повесился, заревел, а сказать не может, что сердечком своим детским тоже все переживал, понимал, как взрослый. Ждал ее – змею, до ночи ждал. А она только в воскресенье появилась. Села за стол, как ни в чем не бывало. Глаза бесстыжие, сидит с вызовом – ну что вы мне сделаете, мол. Выяснять при ребенке будете, ему день рождения портить?

Я терпел, пока за столом сидели, и потом, когда Максимка подарки свои разбирает, играл на ковре. Тут соседский мальчишка позвал во двор. Мы разрешаем – у нас двор старый, все друг друга знают, старухи на скамейках пост несут. Ушел. Тут и началось.

Дальше Виктор Андреевич не мог спокойно рассказывать. Решительно схватил с подоконника пепельницу, закурил. Я робко попыталась напомнить про врача.

– Да нахрена мне эта жизнь, если дочь отца на весь двор отматерила.

– Как отматерила? – я отказывалась верить в услышанное.

Виктор Андреевич помолчал, глотая и в очередной раз переживая обиду.

– Как мужик, грязный неотесанный мужик...

Оказалось, Алла первой не выдержала напряжения. Сорвалась, потребовала объяснить, что все смотрят на нее, как на прокаженную. Мать попыталась остановить, чтобы в праздничный день не разразился скандал. Но Алка требовала ответа от отца, и Виктор Андреевич поддался на провокацию.

После серии жестких откровенных обвинений в адрес дочери Алка взвилась, как огонь, вылетела на балкон. За ней вышел Женька, пытаясь удержать сестру от ответных действий. Алка открыто закурила. Родители впервые видели, чтобы дочь курила. Алка поняла, что и этого мало, и смачно плюнула рядом с собой на чистый, только утром постеленный половик.

Отец взревел, потребовал от нее прекратить демонстрацию и вести себя в родительском доме прилично. Сказал, что в семье и так всем понятно, что дочь стала шлюхой. И тут понеслось. Алка спустила на отца столько грязи, столько накопившейся обиды, что Виктор Андреевич почувствовал, что умирает. Алка, на весь двор матерясь, обзывая отца, унижая и сознательно убивая, орала, что ненавидит, что устала от его мерзкой опеки шпиона.

– Ты считаешь, что имеешь право контролировать меня? Да кто ты такой – выживший из ума бездельник! Мать всю жизнь работает на тебя, а ты гоняешь ее, бьешь по морде, Андрюхе всю жизнь сломал, меня, как жандарм, повсюду выискиваешь. Счета он мне оплачивает. Да катись ты со своей х...вой заботой. Мне деньги нужны, и не пятьсот рублей, на которые трусов не купишь. Мне надоело слушать твои поучения, мне надоело, что ты таскаешься ко мне, как к себе домой. У меня своя жизнь, у меня, может быть... Нет, у меня есть мужчина. И если ты, старая жаба, еще притащишься проверять меня, не обессудь – он спустит тебя с лестницы.

Звонок в дверь остановил Аллу, Женька кинулся открывать – на пороге стояли соседи, рядом ревел Максимка. Все все слышали, были невольными свидетелями драмы отцов и детей, не могли поверить, что в этой, именно в этой семье могло произойти подобное. Жена Виктора Андреевича прижала к себе Максимку, обняла эту «тщедушную душонку», и так ей стало жалко бедного ребенка! Его шестилетнее сознание не могло уместить в себе происходящее. Он понимал только, что привычный спокойный мир любви вокруг рушится. Бабушка гладит его по голове теплой рукой, держит крепко, словно боится отдать, а у самой горячие слезы каплют, губы дрожат. Мама – растрепанная, красная, с некрасивым, совсем не маминым лицом смотрит на него, как на чужого. Дедушка с синими губами, весь в капельках пота, за сердце держится. И вдруг Максимке стало страшно за деда, у него будто внутри что-то включилось:

– Дедуля! Деда!!! Не плачь, деда! Не умирай!

Крик ребенка заставил всех обратить внимание на Виктора Андреевича. Он опустился в кресло, как в прорубь, – не сопротивляясь будущему. Кто-то из соседей начал набирать «скорую», жена Виктора Андреевича лихорадочно сдернула с него галстук и попыталась расстегнуть рубашку, но пуговицы были такие скользкие, а петли такие тугие. И она со всей силы рванула новую рубаху. Ткань поползла по самой середине груди, но брешь не дала освобождения. Ворот все также туго стягивал налившуюся кровью мощную шею. Тогда Женька дрожащими руками ухватился за ворот и все-таки расстегнул верхнюю пуговицу, а дальше пошло легче. Виктор Андреевич успел подумать, насколько все же нерешительны его дети. Сыну бы махнуть воротник надвое, а он пуговицы расстегивает...

Приехала «скорая». Все оказалось не так страшно, как выглядело со стороны еще десять минут назад. Сделали укол, сняли кардиограмму. Инфаркта, слава господу, избежали. Виктор Андреевич потихоньку приходил в себя, к вечеру, лежа на диване, уже улыбался, а утром, несмотря на запреты жены, вызвал шофера и уехал на работу. Там ему было легче. Дома все кричало, скулило, шептало по углам о предательстве дочери – сразу после приезда «скорой» она забрала Максимку и ушла.

Все это рассказывал мне Виктор Андреевич неделей раньше, а сегодня, оказывается, я обездолила его дочь. Бог – судья, как говорится.

* * *

Два дня мы не виделись с Виктором Андреевичем. Я старалась вообще не выходить из приемной. Обиделась на него, но больше на тех, кто липкими взглядами, дрожащими от волнения и скабрзности голосами обсуждал в течение нескольких дней ту гнусную ложь, которую из собственной нечистоплотности, самовлюбленности, напыщенности соткал Виктор Андреевич, а кадровичка Светочка разнесла, как помойная муха заразу. Я выдержала бы долго. Я перестала бы замечать тех из них, кто участвовал в моем шельмовании, но на третий день вездесущая Светочка с широко открытыми, испуганными глазами влетела ко мне:

– Он пьяный! Он абсолютно пьяный. Дурак. Он назвал меня подобострастной сукой и вытолкнул в коридор. Я об стенку... – и Светка зарыдала.

«Так тебе, сплетница, и надо», – первое, что подумала я. А потом уже поняла, что кто-то в конторе пьян: – Кто пьян-то, кто тебя твоей мерзопакостной головкой об стену шваркнул?

Это было некрасиво, но мне так хотелось выместить на ней все обиды, все слезы, всю сердечную боль, из которых я наспех сварила зелье своей защиты. Мне, правда, хотелось долбануть по ней чем-то тяжелым и увидеть, как на ее маленьком обезьяньем личике скачет страх. Но Светочка ничего не замечала. Ей было не столько больно, сколько обидно. С ней обошлись, как с проворовавшейся кухаркой, как с обесчещенной хозяином горничной, – выставили за дверь, чтобы не видеть, не лицезреть и не будоражить собственную совесть.

– Да он пьян, он! Твой Виктор Андреевич дорогой!

– Он теперь твой Виктор Андреевич! Говори, курица, что случилось!

– Не знаю что. Я пришла, бумаги ему принесла, еще кусок пирога – нас бухгалтерия угостила. А он сидит, злой весь, бешеный какой-то. Я уходить хотела, а он потребовал сесть и слушать. Я села, не знаю, что и говорить. А он как давай орать: «Стерва продажная, сука подобострастная». Я сначала подумала, что он не про меня говорит. А он увидел, что я не понимаю, подошел, схватил за плечо, дышит на меня перегаром, глазами своими страшными сверкает. «Змея, – говорит. – Как ты вползла в доверие, как сидела, затаив дыхание, слушала всю мерзость мою, всю гнусь, которая лилась из меня потоком! Как могла ты использовать мою слабость, мою глупость и мою зависть? Как могла девчонку, которой ты мизинца не стоишь, ослабить?» А потом рванул меня за плечо, доволлок до двери, пнул по ней так, что щепки в разные стороны, и швырнул к стене. Я еле удержалась, – Светка рыдала, уже не сдерживаясь.

А я растерялась. Дело в том, что Виктор Андреевич никогда не пил. Я ни разу не видела его с рюмкой. На наших общих праздниках он упивал вокруг не одну личность. Наливал, шутил, приговаривал, тосты поднимал, но никогда не притрагивался к рюмке. Говорил, с кровью проблемы, ни грамма нельзя. Мы не настаивали, а он, к чести своей, ни разу не бросил на произвол судьбы ни одного «упитого» им коллегу. Распоряжался всегда до дому доставить. Утром мог позвонить больному похмельем и распорядиться на работу сегодня не ходить. И точка. А сам и кадровиков уговорит, и шефа обезвредит. Компанейский мужик, одним словом. Я не верила, что Виктор Андреевич и вправду пьян.

Пошла к нему, что делать. Дверь действительно в щепы. Не закрыта. Я встала на пороге. Виктор Андреевич посмотрел на меня, повернулся к сейфу, достал из него бутылку, стакан, наполнил и залпом выпил.

– Полегчало? – я случайно вспомнила мамино слово.

Она произносила его всякий раз, когда в очень редких случаях в гостях отец, перебрав уже лишнего, наливал очередную рюмку и выпивал, будто в пику маме. Спорить с ним или что-то доказывать она не считала нужным. Просто и устало спрашивала: «Полегчало?» На отца

это действовало магически. Он вдруг понимал, что дорожке мамы у него никого нет, вставал, и как бы ни был пьян, просил маму помочь ему надеть туфли и проводить до дому. Мне всегда было смешно наблюдать эту сцену. Очень неуверенной походкой идущий отец, мама, держащая его под руку, его шляпа у мамы в пакете, потому что все равно оказалась бы в луже, и полная идиллия их долгих семейных отношений. Только ради этого я хотела бы еще раз увидеть отца пьяным. Но в обыденной жизни он слишком редко демонстрировал мне эти примеры человеческой привязанности, бессознательной любви и бесконечного доверия к единственной на всю жизнь, дорогой ему женщине...

– Сядь, Александра.

Я продолжала стоять.

– Ты просто сядь. Я сейчас не очень могу быть понятен. Я пьян. Я так пьян, как был пьян изо дня в день все десять лет прокурорской службы. Но тогда я мог говорить часами, мысль была настолько ясна, что я мог говорить и говорить. А сейчас я пьян и я стар. Я давно стар. И у меня все рушится. Я не могу больше возить сыновей на охоту – с вертолета стрелять по несущимся оленям. Да они и тогда не хотели ездить со мной. Забивались в угол и прятали глаза. Травоядные! Я пьян... Я не могу покупать дочери красивые платья, юбки, блузки. Не потому, что нищ, а потому, что никому из них этого уже не надо... Ты иди. Я не хочу тебя видеть. Но ты прости меня. Обидел тебя сгоряча, зря, в общем, обидел. Ты иди, работай. Я не могу тебя видеть. Я не могу понять, почему ты, почти такая же, как дочь, хочешь жить по-людски, а она нет. Почему мой сын получил машину и больше не пишет. Я не могу понять! Не могу!!! Наверное, потому что я пьян...

И Виктор Андреевич со всей силы бахнул кулаком по столу, потом еще и еще. Смотреть было страшно. Боль его не находила. Что кулак? Поболит и пройдет. А душа все ноет и ноет, надрывается и разорваться никак не может. Мне казалось, что я слышу его боль.

Он правда был сильно пьян. Разговаривать бесполезно. Надо было как-то увозить его с работы. Я попросила:

– Виктор Андреевич, давайте на сегодня остановимся. Вас отвезут домой.

– Нет! – взревел он всей мощью своего голоса. – Нет! Мне нечего там делать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.